

**Н. А. БЕРДЯЕВ И Л. И. ШЕСТОВ
ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ ИСПЫТАНИИ ЧЕЛОВЕКА
В АНТИТЕЗАХ ВРЕМЕНИ И ВЕЧНОСТИ**

Н. В. Серова

Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова

Поступила в редакцию 25 октября 2017 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме экзистенциального испытания человека, переживающего противоречия времени и вечности в личном опыте. Дается сравнение интерпретаций понятий «времени» и «вечности» и их взаимоотношений в произведениях Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова как выражения их экзистенциального опыта. Автором выявлены общие положения и проанализированы различия суждений в оценках противоречий времени и вечности, смысла истории и исторической роли человека в работах русских экзистенциалистов. В заключение раскрывается суть переживания своевременности событий как условия признания бесценности человеческой жизни.

Ключевые слова: экзистенциальное испытание, время, вечность, своевременность, человек, экзистенциальный опыт.

Abstract: the article is devoted to the problem of existential ordeal of the person experiencing the contradictions of time and eternity in personal experience. Comparison of interpretations of the concepts «time» and «eternity» and their relations in the works of N. Berdyaev and L. Shestov is given as an expression of their existential experience. The author reveals the general provisions and analyzed the differences of judgement in the assessment of the contradictions of time and eternity, the meaning of history and historical role of man in works of Russian existentialists. In conclusion, the essence of the experience of timeliness of events reveals how the conditions for the recognition of the priceless human life.

Key words: existential ordeal, time, eternity, timeliness, person, existential experience.

Исходным положением экзистенциальной философии, по словам Ж. П. Сартра, должно стать понятие о неопределенности человеческого существования до тех пор, пока человек не испытает чувство, способное предопределить его последующие решения и поступки. «Для экзистенциалиста, – писал Ж. П. Сартр, – человек потому не поддается определению, что первоначально ничего собой не представляет. Человеком он становится лишь впоследствии, причем таким человеком, каким он сделает себя сам» [1, с. 323]. В становлении человека самим собой особая роль принадлежит личному опыту переживаний, формируемому им самостоятельно и независимо от внешних обстоятельств.

Одними из глубоких переживаний человека являются чувство временности его существования в историческом процессе и предчувствие вечности его личности. Существовая в пределах отдельной исторической

эпохи, человек понимает, что связанные с нею события могут повлиять на его решения и отразиться в его судьбе. Перед человеком тогда встает дилемма: либо подчиниться внешним обстоятельствам и поступиться собой, либо остаться верным себе вопреки предлагаемым обстоятельствам. Эта дилемма выражает противоречивость природы человека: с одной стороны, подчиненного времени в своем конечном существовании; с другой – стороны, открытого для вечности в бесконечной духовной самореализации в творчестве. В связи с этим предлагается исследовать экзистенциальный опыт переживания человеком антитетических феноменов времени и вечности в различных их отношениях; выявить предназначение существования человека в рамках ограниченной временем исторической эпохи; рассмотреть переживание своевременности событий в индивидуальном существовании человека как условия признания бесценности его жизни в ограничивающих его возможности исторических условиях.

Впервые круг экзистенциальных проблем был представлен в произведениях С. Кьеркегора, творчество которого стало отправной точкой в исследованиях проблемы экзистенциального испытания человека временем и вечностью. «Благодаря выбору, – писал С. Кьеркегор, – человек обретает себя в своем вечном значении, то есть сознает свое вечное значение как человека, и это значение как бы подавляет его своим величием, земная конечность теряет для него всякое значение» [2, с. 314]. Перед соблазном вечной жизни в будущем временному существованию человека в настоящем угрожает неизбежность его обесценивания. Выбор между временностью человеческого существования, ограниченного исторической эпохой, и вечностью человеческого существа, способного преодолеть эти ограничения путем творческой самореализации, является началом экзистенциального испытания для человека. Ему предстоит отстоять ценность каждого мгновения своей жизни перед вечностью для того, чтобы обрести смысл в своем временном существовании. Эту цель перед человеком впервые поставил С. Кьеркегор, а пути к ее достижению наметили его последователи – русские экзистенциалисты Н. А. Бердяев и Л. И. Шестов.

Постановка проблемы антитезы времени и вечности в философии Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова имеет глубоко личностный смысл. Они понимали, какой хрупкой может быть человеческая жизнь перед неумолимыми историческими катастрофами и как не просто принимать судьбоносные решения. Обоих мыслителей объединяли одна культурная среда и похожие исторические события: революция, вынужденная эмиграция и долгие годы жизни вдали от родины. Темы смысла истории, неизбежности смерти человека и его страстной надежды на спасение от разрушений временного мира в свободе, вере и творчестве связаны с опытом лично пережитых ими драматических событий своей эпохи. Общность экзистенциальной проблематики духовно сближала мыслителей, а ответы на ее вопросы они оттачивали в совместных дискуссиях. Н. А. Бердяев в статье о личности и творчестве Л. И. Шестова отмечал:

«Мы старые друзья с Л. Шестовым и вот уже 35 лет ведем с ним диалог о Боге, о добре и зле, о знании. Диалог этот бывал нередко жестоким, хотя и дружеским спором» [3, с. 50]. Дискуссии оригинальных мыслителей Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова основаны на различии в их экзистенциальном опыте и неодинаковости их религиозных убеждений. В оценках современными исследователями творчества и личных отношений, существовавших между русскими мыслителями, также отсутствует единогласие. Т. Н. Захарова отмечает, что, несмотря на разногласия, между ними присутствовала идейная близость по вопросам общественной морали, веры, свободы, творчества и человеческого бытия [4, с. 138]. П. В. Кузнецов видит в них оппонентов в той мере, в какой возможно идейное расхождение между «философом» [5, с. 188] Н. А. Бердяевым, следовавшим классическим философским учениям, и «антифилософом» [там же] Л. И. Шестовым, в философствовании полагавшимся на личный опыт и религиозно-исторические примеры.

В чем определенно сходились во мнениях Л. И. Шестов и Н. А. Бердяев, так это в признании экзистенциального опыта в качестве исходного пункта философствования. По свидетельству П. В. Кузнецова, «оба мыслителя основывали свои идеи в первую очередь на личном опыте» [там же]. Экзистенциальный опыт переживаний коллизии времени и вечности, принадлежащий самобытным мыслителям, которые руководствовались им в осознании исторических событий, по-настоящему бесценен. Переживание временности человеческого существования в личном опыте Н. А. Бердяевым и Л. И. Шестовым в трагические моменты истории повлияло на то, что этот вопрос обсуждался ими не только в контексте философии истории, но и в тематике философской антропологии. Исторический процесс, по мысли Н. А. Бердяева, неразрывно связан со временем, поэтому «основным вопросом, основной посылкой всякой философии истории является, несомненно, вопрос о значении времени, о природе времени, потому что история есть процесс во времени, временное совершение, движение во времени» [6, с. 50]. Понять природу времени – значит не только подойти к разгадке смысла истории, но и осознать смысл существования человека в ограниченную временем историческую эпоху.

В изучении природы времени Н. А. Бердяев и Л. И. Шестов исходили из идеи грехопадения человека как начала истории несовершенного человечества. Философов волновали вопросы о том, каким сделалось время в результате грехопадения человека и какое действие время производит на человека. По мысли Н. А. Бердяева, в мире, где с грехопадением человека воцарилось зло и распад, время стало разрушающей силой. «Время нашей мировой действительности, время нашего мирового иона есть время разорванное; оно есть время дурное, заключающее в себе злое, смертоносное начало, время не цельное, разбитое на прошлое, настоящее и будущее» [там же, с. 54]. Время сделалось разрушающей силой не из-за своей изначальной природы, а по причине его связи с миром, в который вместе с человеком вошел порок, и разорвалась связь с

источником благодати и созидания – вечностью. Разрушающее действие времени Н. А. Бердяев связывал с неумолимым следованием событий в направлении от прошлого к будущему и от рождения к смерти. Человек, по его мнению, осознает, что каждый миг «разорванного времени» [там же] приближает его к физической и духовной смерти, но в силу своей порочности он не может изменить существующий мировой порядок, подчиняется ему и видит в нем собственную судьбу.

Подчиняясь разрушительным силам времени, человек страшится признать, что такое действие времени вызвано его чувством враждебности к миру и непримиримостью к самому себе. Человек с легкостью признает predeterminedность событий в его судьбе внешними причинами, но будет отрицать их связь с собственным опытом переживаний. «Во времени всё уже представляется детерминированным и необходимым, и мы в своем чувстве будущего предвосхищаем эту детерминированность, история иногда представляется нам надвигающимся роком, фатумом» [7, с. 217]. Уклоняясь от ответственности за происходящее в мире, человек готов смириться с превращением себя в продукт исторической эпохи и слепо следует за современными нововведениями.

В унисон идеям Н. А. Бердяева Л. И. Шестов признавал, что результатом библейской трагедии грехопадения человека стала потеря человеком его связи с Богом, и он начал строить мир без Бога, полагаясь на собственный разум и оправдывающую его мораль. Лишившись связи с создавшим мир Творцом, человек позволил взять верх над собой и миром разрушительной силе Ничто. По Божьему замыслу, Ничто служило творческому созданию Богом Вселенной и самостоятельной силы не имело. «Но если всемогущество Божие, – писал Л. И. Шестов, – могло сотворить из Ничто мир, то ограниченность человека, внушенный ему змеем страх превратил Ничто в огромную всеразрушающую, всеистребляющую, ничтожащую силу» [8, с. 92]. Разрушение распространилось на весь внешний мир и проникло в души людей, сделав время орудием их уничтожения. Время стало последовательностью неизбежных и необратимых изменений, итогом которых неизменно становится гибель человека как всякого конечного существа. «Конечное преходит, таков основной, не известно кем, когда и для чего установленный, но предвечный и непоколебимый закон бытия: все конечное, именно потому, что оно конечно, имеет начало, все же, что имеет начало, имеет, должно иметь и конец» [там же, с. 33]. Время разрушает человека изнутри, так как он, поступая вопреки своим чувствам, подчиняется необходимости законов природы и требованиям общества. Он подчиняется им, так как знает об их неизменности и не верит в силу своих чувств. Человек воспринимает гибель природных явлений и смену общественных порядков как угрозу неизбежных страданий, ибо ему больше не на что полагаться, как только на них.

Русские экзистенциалисты пришли к выводу о времени как разрушающей всё конечное существование силе, но этот вывод для них не был окончательным, ибо время сделалось таковым не по собственной при-

роде. В суждениях о собственной сущности времени мнения философов расходятся. В учении Н. А. Бердяева природа времени раскрывается в необходимой последовательности исторических событий и предопределенности событий в человеческой судьбе. Л. И. Шестов, напротив, был против порабощающей человека необходимости времени и в целом любой необходимости, о чем свидетельствует Л. Шейн: «Он был человеком, чье существование определяла одна идея. Этой всеобъемлющей идеей было страстное желание освободить человека от тиранической власти необходимости для того, чтобы найти истину, которая находится вне пределов необходимости» [9, р. 278]. Освободить человека от предопределенности временем сложно из-за его уверенности в неизменности действительности и из-за его сомнений в возможности изменения своей жизни к лучшему. Действительный порядок мира не оставляет человеку надежды на спасение от тяжелого жребия и жестокого наказания в конце его жизни.

Природа времени, как полагал Л. И. Шестов, проявляется в случайности и непрестанной перемене событий. Случай предопределяет дальнейшую последовательность событий, определяет смысл истории и смысл человеческой жизни. Вопрос в том, какой род событий повлечет за собой случайность, счастливым или несчастным окажется случай. Несчастный случай является следствием порочности человека, утратившего веру в Бога и в самого себя. В силу этого, по мысли Л. И. Шестова, несмотря на всё величие, исторические события лишаются положительной оценки и смысла. Разыгрывающиеся мировой трагедией исторические события могут быть порождены незначительным фактом. «А ведь если бы кто спросил, – писал Л. И. Шестов, – может, он сперва бы усомнился в том, что история должна иметь смысл, а потом убедился бы, что вовсе истории и не полагается иметь смысл, что история сама по себе, а смысл сам по себе. От копейки свечи Москва сгорела...» [10, с. 156]. Случай, как момент времени, превращается в необходимость предуготовленного им течения будущих событий. А смысл этих событий определяет человек, полагаясь на собственный опыт переживания времени.

Анализируя природу времени, Л. И. Шестов выявил причину настороженного отношения и даже неприятия большинством людей перемен: «Ясно, что способность меняться не включает в себе ничего дурного. Дурно только, что вещи и люди часто меняются не так, как бы нам хотелось» [там же, с. 161]. Отрицательное отношение к времени определяется уже наличным опытом негативных перемен и происшествием несчастного случая в жизни людей. Совсем иное отношение к времени формируется у человека, в жизни которого все перемены положительным образом отразились в его судьбе. Людей страшат не перемены, но связанные с ними беды, не временность человеческого существования, но неизбежность старения и смерти. Как отмечал Л. И. Шестов, «люди так напуганы кроющейся, по их представлениям, под изменчивостью возможностью беды, что готовы отказаться от всего, что изменяется, и, в

конце концов, обожествовать то, что всегда остается себе равным, что никогда не начиналось и никогда не кончится, хоть это было бы мертвым, неодушевленным предметом: ведь именно мертвое и неодушевленное не меняется...» [там же, с. 162]. Время, по мысли Л. И. Шестова, является той последовательностью перемен и случайностей, которые открывают перед человеком новые возможности и только потому, что человеческое существование временно. Следовательно, время имеет преимущество перед вечностью в конечном существовании человека, так как время предоставляет, а вечность ограничивает человека в его возможностях.

В различии интерпретации природы времени Л. И. Шестовым и Н. А. Бердяевым выражается своеобразие экзистенциального опыта переживания времени каждым из них. Время, переживаемое в качестве последовательности с необходимостью свершающихся событий, не оставляет надежды на альтернативное развитие событий. Такое переживание времени подвигло Н. А. Бердяева к поиску выхода из замкнутого круга событий, роковым образом предрешающих человеческую судьбу, в вечности. Время, переживаемое как неизбежность и внезапность несчастного случая, понимается как угроза потери всего лично ценного и гибели всего дорого для человека. Но подобного рода переживание времени, порожденное опасением перед будущими бедами и отсутствием веры в счастливое решение ситуации в будущем, не заставило Л. И. Шестова отдать предпочтение вечности перед временем. Ведь только от человека зависит, будет ли он бездейственно ожидать несчастий или предпримет действия для положительного разрешения проблематичной ситуации. Экзистенциальное испытание временем привело Н. А. Бердяева к мысли о разрешении проблем человеческого существования через сопричастность времени вечности. Л. И. Шестов, напротив, возможности к совершенствованию человеческой жизни видел в природе самого времени: ведь без перемен ничего к лучшему не изменится.

Расхождения взглядов Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова по исследуемому ими переживанию феномена вечности начались с отрицания Н. А. Бердяевым традиционного подхода к интерпретации смысла вечности в качестве неподвижной «бевременности» [6, с. 52], принятой в философии платонизма, индуизма и христианства. Из этих доктрин следовало отсутствие взаимопроникновения между вечностью и временем: нет ничего вечного во временном процессе истории и не может быть ничего временного в вечном божественном бытии. Отличие христианства от древних религий и учений дохристианской эпохи Н. А. Бердяев усматривал в том, что оно отрицает вечность исторического процесса, но признает вечность божественного воплощения в истории. По этой причине становится возможным духовное преобразование человека и мира: «Христианство, в нашем времени, в нашем временном процессе, мировом и историческом, обозначает то, что вечность, т. е. божественная действительность, может внедряться во времени, разрывать цепь времени, входить в нее и является в нем преобладающей силой» [там

же, с. 53]. Из этого высказывания следует, что Н. А. Бердяев, исходя из собственного опыта переживания христианской веры, отождествлял вечность с божественным бытием. Вечность в его экзистенциальном опыте не тождественна безвременности, ибо Бог не безучастен ко временному миру и потому вечность определяет смысл временной жизни человека и утверждает ее ценность. Действие вечности выражается в спасении и восстановлении временного мира от разрушения через духовное преобразование человека.

Н. А. Бердяев развил христианством утверждаемую идею о воплощении вечного во временном мире и предположил, что «то, что мы называем временем в нашем мировом историческом процессе, в нашей мировой действительности, представляющей процесс во времени, – это время есть какой-то внутренний период, какая-то внутренняя эпоха самой вечности» [там же, с. 51]. Время, содержащееся в вечности, есть «целостное время» [там же, с. 56], в котором мгновения прошлого, настоящего и будущего объединены в единстве исторического опыта и в единстве человеческой судьбы. Если под действием «разорванного времени» [там же, с. 54] исторический процесс в целом и судьба каждого человека не имели положительного смысла, то «целостное время» [там же, с. 56] стало условием восстановления смысла истории и придания ценности человеческой жизни. В историческом процессе идет борьба за спасение человека от гибели в круговороте «разорванного времени» [там же, с. 54] для созидательной жизни в «целостном времени» [там же, с. 56] – времени, преобразованном под действием вечности.

В исследовании переживания феномена вечности Л. И. Шестов оставался уверенным в тождестве вечности и неподвижной бесконечности или безвременности. Остаться в данном экзистенциальном опыте переживания вечности этого мира Л. И. Шестова подвигла его уверенность в том, что разрушительная сила Ничто распространилась на весь созданный человеком по собственному усмотрению мир и проявилась не только во времени, но и в вечности. «Мы сами превратили его [Ничто. – Н. С.] в Необходимость, в Этическое, в Вечность, в Бесконечность» [8, с. 92]. Поэтому в мире нет ничего вечного, но все подвержено вечному разрушению; в мире нет ничего необходимого, всё в нем с необходимостью гибнет; в мире не существует морали, а действующая система этических норм порабощает человеческий дух. Вечность не может увековечить ничего из конечных вещей, существующих в мире; не может возвысить человека за его духовные устремления; не может противостоять разрушению мира и духовному порабощению человека. Напротив, она поддерживает разрушительные силы Ничто и утверждает унижительное положение человека в качестве смертного существа. «Вечность всё поглощает, как океан поглощает впадающие в него реки, даже не становясь оттого полнее» [там же, с. 23]. Перед лицом вечности человек оказывается бессилён и вынужден смириться перед нестерпимыми потерями, которые она ему уготовила.

Другим разногласием во взглядах философов на природу вечности являются суждения, в которых Н. А. Бердяев отождествлял вечность и божественное бытие, в то время как Л. И. Шестов противопоставлял вечность этого мира вечности божественного бытия. Раскрывая суть этого противоречия, Л. И. Шестов полагал, что вечность увековечивает не только разрушение человеческого мира, но, губя его, она разрушающим образом пытается воздействовать на божественное бытие: «И тут Бог не имеет никаких преимуществ перед смертными: у него нет общего языка ни с этическим, ни с Вечностью. Бог сам страдает, неслыханно страдает, глядя, как Вечность и этическое расправляются с людьми» [там же, с. 84]. Но Бог не принадлежит созданному человеком миру, а потому и не подвержен вечному разрушению и гибели, подобно всему, что имеет конечное существование. Бог вечен в творческом отношении к миру и вечен в любви, милосердии, сострадании к людям. В этом состоит различие между вечностью Бога и вечностью несовершенного мира, построенного на усмотрение человека.

Таким образом, суть расхождений в суждениях Н. А. Бердяева и Л. И. Шестова на природу вечности состоит в следующем. Если Н. А. Бердяев видел в вечности условие восстановления человека от тлена и спасения мира от гибели, то Л. И. Шестов полагал, что вечность является причиной тяжелых испытаний для человека и бесконечного разрушения мира. Н. А. Бердяев считал, что вечность в силу ее участия во временном бытии есть условие утверждения его ценности, в то время как Л. И. Шестов видел в вечности абсолютное безразличие к миру, к человеку и даже к Богу. Н. А. Бердяев и Л. И. Шестов утверждали, что вечность содержит в себе время, но вкладывали в отношение времени и вечности разный смысл. Н. А. Бердяев писал о том, что «целостное время» [6, с. 56] содержится в вечности и является началом истории духовно восстановленного от греха человечества. В учении Л. И. Шестова время является пособником вечности в ее преступном уничтожении временного мира и конечного в своем существовании человека. И, наконец, проявление вечности во времени, по Н. А. Бердяеву, является условием осмысленности исторического процесса и признания бесценности человеческой жизни. Согласно же Л. И. Шестову, вечность и время не придают смысла истории и сводят смысл человеческой судьбы к покорности и смирению перед гибелью мира.

Проанализировав интерпретации понятий «время» и «вечность» в произведениях Л. И. Шестова и Н. А. Бердяева, мы приходим к выводу о том, что указанные категории представляются ими не внешними силами по отношению к человеческому существованию, но принимаются ими в качестве личных переживаний, составляющих основу экзистенциального опыта человека. Исследуя проблему соотношения времени и вечности по произведениям русских экзистенциалистов, мы понимаем, насколько может быть индивидуальным экзистенциальный опыт каждого человека. В прочтении этой проблемы Н. А. Бердяевым человек всегда

оказывается перед выбором между несовершенной жизнью во влекущем к смерти времени или совершенной жизнью, восстанавливаемой в ее сопричастности к вечности. В работах Л. И. Шестова обозначается выбор человека между жизнью в ничем не детерминированном времени или жизнью, с определенностью обрекаемой на вечные испытания и трагедии. Сам факт того, что человек оказался перед выбором, указывает на его причастность ко всему тому, что происходит в мире и, в частности, к разрушительному или созидательному действию времени, а также к творческому или губительному воздействию вечности на человека.

История человечества началась с отступления человека от исполнения воли Бога и действий, направленных на разрушение замысла Бога о совершенном человеке. С этого мгновения начинается исторический процесс утверждения человека в его несовершенстве путем устройства мира по его собственному замыслу, в котором все действует против него самого. Все попытки человека самостоятельно построить мир приводят к трагическим следствиям. Во всём, даже поистине прекрасном творении человека, просматриваются признаки распада и гибели. Время действует против человека, уничтожая все созданное им и его самого, и даже вечность оказывается бессильна увековечить хотя бы что-нибудь в мире, где смерть безусловна и бесконечны людские трагедии. По этой причине Н. А. Бердяев и Л. И. Шестов отрицали смысл той истории человечества, в которой случайно или преднамеренно утверждаются зло, вражда и смерть.

Исходя из опыта переживания временности своей жизни, Л. И. Шестов указывал на двоякую природу времени, представляющегося последовательностью перемен, которые совершаются по воле счастливого или несчастного случая. Характер случайности определяется не внешними факторами, но индивидуальным опытом либо человека, чья воля сломлена и нет надежды, либо человека, имеющего душевные силы для надежды и веры в будущее. До тех пор, пока человек подчиняется объективным явлениям природы и не зависящим от него историческим обстоятельствам, пока он будет признавать их в качестве необходимых и абсолютных условий своего существования, ничто качественно в его судьбе не изменится к лучшему. «То есть, – писал Л. И. Шестов, – долго еще будут гибнуть сотни тысяч, миллионы людей, как гибли до сих пор вследствие чисто внешних условий, долго будут еще на земле царствовать все то зло и весь тот ужас, о котором передает нам история человечества – от самых отдаленных дней до нового времени, – но это есть лишь естественный результат столкновения с необходимостью» [11, с. 16]. Для того чтобы время перестало разрушать существо человека изнутри, ему стоит только поверить в то, что «...для Бога все возможно» [8, с. 36], т. е. в силу Его могущества, милосердия и сострадания к человеку. В комментариях к произведениям Л. И. Шестова М. Финкенталь отмечает, что «человек был создан по образу Бога, но это утверждение относится к его возможному состоянию» [12, р. 128]. Вера в Бога открывает перед

человеком неограниченные возможности его духовного преображения и изменения своей судьбы к лучшему. Следовательно, только с верой для человека возможно преобразование мира через преодоление его бесконечного разрушения.

Отрицание смысла истории Н. А. Бердяевым, на наш взгляд, вызвано глубоким переживанием духовной разобщенности людей, подчинившихся логике «разорванного времени» [6, с. 54], в котором прошлое, настоящее и будущее разделены, а значит, не существует связи эпох, поколений и даже событий в судьбе одного человека. Всё достигнутое предшествующими поколениями используется, преобразуется или же истребляется нынешними поколениями. Исторический процесс, находящийся под властью «разорванного времени» [там же], устремлен в будущее, за которым признается возможность лучшей жизни, которой лишены люди настоящей эпохи. По причине недостигаемости лучшей жизни в данную эпоху в своем индивидуальном существовании человек не находит смысла. Осознание человеком бессмыслицы собственной жизни приводит к переживанию личной трагедии и пониманию того, что, как отмечал Н. А. Бердяев, «судьба человека предполагает существование изначальной человеческой природы, сотворенной высшей божественной природой и претерпевающей свою трагическую судьбу в мире» [там же, с. 60]. Если в качестве природного существа человек не может преодолеть существующий ход истории, то он может к этому прийти в качестве духовной личности, видя в истории не внешние факты, но скрытый от поверхностного взгляда смысл. История тогда представляется не последовательностью бессмысленных трагедий, но нравственным уроком человечества, преодолевающего все то, что прежде ему препятствовало стать на ступеньку выше в своем духовном развитии. «История имеет источник во внутренней духовной действительности, в том опыте человеческого духа, в котором человеческий дух уже не является чем-то отдаленным и противоположаемым духу божественному, а в котором он непосредственно с ним соприкасается, в котором открывается драма взаимоотношений между Богом и человеком» [там же, с. 35]. Способом духовного восстановления человека, по Н. А. Бердяеву, является творчество как восхождение от временного мира к вечному бытию. «Творчество движется не по плоскости бесконечного времени, а по восходящей вверх линии, к вечности» [7, с. 219]. Творческий процесс и даже его результаты временны, но воодушевление, любовь, миролюбие и сострадание к людям, испытываемые личностью в творчестве, вечны. Через переживание этих чувств человек открывает смысл в своем конечном существовании.

В заключение следует отметить, что экзистенциальный опыт русских философов формировался в эпоху русского ренессанса, отмеченную и мощным культурным подъемом, и радикальными социальными реформами, революциями и войнами. Гуманистическая деятельность русских философов и литераторов той эпохи терпела поражение перед натиском тотальной враждебности в войне всех против всех. Признаки этой не-

примиримости Н. А. Бердяев выразил в учении о «разорванном времени» [6, с. 54], а Л. И. Шестов – в учении о вечности разрушения мира и человеческой души. Трагически переживая отчуждение и враждебные настроения людей, русские экзистенциалисты видели выход из этой ситуации в духовном восстановлении человека посредством его обращения к Богу. Русские философы подошли к исследованию антитетических феноменов времени и вечности как к содержанию экзистенциального опыта, в котором сосредоточено все особенно ценное человеком. Этот опыт индивидуален для каждого человека, и в нем неповторимым образом запечатлевается смысл исторических событий. Проблема переживания антитезы времени и вечности в экзистенциальном опыте человека актуальна и в современную эпоху для каждого из наших современников, потому что относительно мирные условия жизни, широкие коммуникации людей, ориентация современного человека на самореализацию не спасают его от угрозы саморазрушения и обесценивания его жизни.

Н. А. Бердяев утверждал, что время является частью вечности, вечностью преодолевается порочный круг все истребляющего времени и время преобразуется вечностью в человеческом творчестве. Он хотел показать абсолютность вечности, отождествляемой с божественным бытием, перед относительностью временного существования человека, но вместе с тем он допускал возможность увековечивания временных ценностей через проявление вечности во времени. Но не всё во временном и тленном мире достойно быть вечным. Л. И. Шестов, напротив, отрицал ценность вечности временного мира, построенного несовершенным человеком, и признавал могущество вечного Бога, чьи созидательные силы и совершенство открывают любые возможности для человека. Он как будто предвидел коллизии в переживании времени и вечности будущими поколениями, за которыми последуют вытеснение вечного идеала временными ценностями и подмена временных явлений вечными идеями.

В современную эпоху, когда большинство людей отдает предпочтение комфорту вместо красоты, формальной и функциональной стороне дела вместо его содержания, выгоде вместо бескорыстия, временные ценности абсолютизируются и замещают собой вечные ценности, относимые в разряд относительных норм жизни. Осовременивание и обновление в самом широком смысле этих процессов ориентируют человека на то, в чем сейчас имеется потребность и необходимость в ущерб тому, что всегда было бесценным для людей. Эта тенденция в современной культуре приведет к обесцениванию гуманистических ценностей и бессмыслице человеческой жизни, так как и в ней произойдет подмена вечного временным. Человек может спасти свое положение, если в его экзистенциальном опыте вечность и время сойдутся по его воле так, что он поймет, что всё в его жизни случается своевременно. Н. А. Бердяев отождествлял своевременность с теми немногими мгновениями в жизни человека, когда ему удавалось вырваться из бесконечного круга всё разрушающего времени к вечности. Л. И. Шестов отводил своевременности то мгнове-

ние, когда человек приходил к осознанию неограниченности своих возможностей. Научаясь видеть во временных явлениях вечный смысл и понимая различие между вечным и временным, человек сможет определить своевременность каждого момента своей жизни. Суть переживания своевременности выражается в том, на наш взгляд, что внешние события происходят согласно экзистенциальному опыту человека и потому его жизнь признается им бесценной.

Литература

1. Сумерки богов / под ред. А. А. Яковлева. – М. : Политиздат, 1990. – 398 с.
2. Кьеркегор С. О. Гармоничное развитие в человеческой личности эстетических начал / С. О. Кьеркегор // Кьеркегор С. О. Наслаждение и долг. – Киев : AirLand, 1994. – С. 225–419.
3. Бердяев Н. А. Лев Шестов / Н. А. Бердяев // Путь. – 1936. – № 50. – С. 50–52.
4. Захарова Т. Н. Взаимовлияние идей Л. Шестова и Н. Бердяева / Т. Н. Захарова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Философия. Социология. Культурология. – 2010. – № 16 (197). – С. 138–147.
5. Кузнецов П. В. Русский экзистенциализм? / П. В. Кузнецов // Звезда. – 2010. – № 3. – С. 186–190.
6. Бердяев Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 176 с.
7. Бердяев Н. А. О назначении человека / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Опыт парадоксальной этики. – М. : АСТ, 2003. – С. 25–422.
8. Шестов Л. И. Кьеркегард и экзистенциальная философия / Л. И. Шестов // Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности. – М. : АСТ, 2000. – С. 2–127.
9. Shein L. J. Lev Shestov : A Russian Existentialist / L. J. Shein // Russian Review. – 1967. – Vol. 26, no. 3. – P. 278–285.
10. Шестов Л. И. Афины и Иерусалим / Л. И. Шестов. – М. : АСТ, 2007. 178 с.
11. Шестов Л. И. Шекспир и его критик Брандес / Л. И. Шестов // Шестов Л. И. Соч. : в 2 т. – Томск : Водолей. – 1996. – Т. 1. – С. 5–212.
12. Finkenthal M. Lev Shestov : existential philosopher and religious thinker / M. Finkenthal. – N. Y. : Peter Lang Publishing, 2010. – 203 p.

Государственный морской университет имени адмирала Ф. Ф. Ушакова

Серова Н. В., кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин

E-mail: nserova1@rambler.ru
Тел.: 8-918-987-24-77

State Maritime University named after Admiral F. F. Ushakov

Serova N. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Humanities Disciplines Department

E-mail: nserova1@rambler.ru
Tel.: 8-918-987-24-77